

**РОМАНЫ
О ВЕТЕРАНАХ
СПЕЦНАЗА**

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

ОНИ
ПРИШЛИ
СВОЙНЫ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Они пришли с войны / Сергей Самаров. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Романы о ветеранах спецназа).

ISBN 978-5-699-86039-5

Капитана спецназа ГРУ Страхова уволили из армии по ранению. Он в растерянности — кому он теперь нужен на гражданке, если умеет лишь искать врагов, находить их и убивать? В довершение от него ушла жена. Остался капитан один. Хоть еще и молод, но жизнь уже сложена. Впереди — мрак безысходности, пьянство и деградация. Но вот как-то Страхов стал свидетелем, как группа отморозков напала на мужчину и женщину. Депрессию у капитана как рукой сняло. В нем мгновенно проснулись старые боевые навыки. Он тотчас же ввязался в драку и принялся с хрустом ломать носы и челюсти отморозкам. Как соскучились его кулаки по нормальной мужской работе! Но одного еще не знал Страхов: теперь этой работы у него будет с избытком, и униженные бандиты скоро вернутся за ним...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-86039-5

© Самаров С., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ПРОЛОГ

Честно говоря, я толком и не понял, дурак этот подполковник Солоухин или шутник. Но в моей ситуации разницы между этими двумя понятиями было как боевого опыта у курсанта-первокурсника военного училища. Как человек военный по сути своей, я всегда почти трепетно уважал субординацию — исключения случались, но не в этом суть, и мне было бы трудно считать подполковника даже медицинской службы дураком, хотя я лично к медицине всегда отношусь с некоторым недоумением. Тем более, как я несколько раз слышал в госпитале экспериментальной медицины, где лежал, он являлся даже профессором военно-медицинской академии, хотя по какому-то мутному недоразумению Солоухин еще и возглавлял военно-медицинскую комиссию. Думаю, в военно-медицинской академии профессору платили обидно мало, в госпитале еще меньше, а он мечтал зарабатывать, как футболист, потому и согласился комиссию возглавить. При этом в саму комиссию входили даже полковники медицинской службы, пусть и не имеющие профессорских званий. Но шуточки, которые подполков-

ник любил бросать горстями, не говорили ни о его высоких интеллектуальных способностях, ни о том, что он может когда-нибудь до генерала дослужиться и в самом деле зарабатывать хотя бы половину зарплаты самого бездарного футболиста. При этом генерал, в моем понятии, должен быть в меру болтливым и в меру сдержанным. Мне лично доводилось только с такими и встречаться. Относительно сдержанности Солоухина ничего сказать не могу — не встречался с таким вопиющим фактом, а вот относительно его болтливости мне даже болтать не хочется...

Короче говоря, меня пригласили в кабинет, на двери которого было написано «ВТЭК¹», первым. Подполковник снял очки — так ему, наверное, было сподручнее меня видеть, посмотрел мутным взглядом нетрезвой лягушки из наполненной спиртом академической банки и сказал всем собравшимся за столом. Собравшимся, как я понял, не для выпивки.

— А вот и человек, которому танк по голове проехал. Рекомендую познакомиться...

И сам Солоухин не чувствовал, что глупость несет несусветную. А ведь я уже много раз объяснял профессору, конечно, не прямыми словами, которые ему понять было бы сложно при его рисованной интеллигентности — я от него

¹ ВТЭК — Врачебно-трудовая экспертная комиссия, устанавливающая наличие и степень инвалидности.

ОНИ ПРИШЛИ С ВОЙНЫ

ни разу матерного слова не слышал, а недвусмысленными намеками, что он по какому-то недоразумению еще и подполковник и потому просто обязан видеть разницу между танком и боевой машиной пехоты. Там, где меня ранило и контузило, вообще танков не было. Танковые части на Северном Кавказе сейчас не воюют. Но по моей голове даже боевая машина пехоты, к его сожалению, не проезжала, как я понимаю, поскольку голова у меня, мне кажется, совершенно не сплющена. Я лично ее несколько раз и ощупывал, и в зеркало рассматривал. Просто я был на броне БМП, когда бандитская мина, посланная из «Подноса»¹, попала в башню, и меня взрывной волной и осколками просто сбросило с брони на деревья стоящего вплотную к дороге леса. Еще, помнится, этот подполковник говорил мне, что я половину леса переломал, когда от танка отлетал. Врет, конечно, как дышит. Лес там на много километров тянется. А я так далеко не отлетел. Не помню такого полета. И с логикой Солоухин ни одним полушарием своего профессорского мозга не дружит. Мог бы, в конце-то концов, догадаться, если я отлетал после взрыва, то тем более, каким это образом гусеница танка, который в те горные места даже вертолетом никогда не забрасывали, или даже БМП, на броне которой я ехал, могла по моей голове покататься? Бронетехника с разворочен-

¹ «Поднос» — 82-миллиметровый миномет.

ной башней гналась за мной по лесному массиву? Но там, помнится, лесной массив по такому крутому склону вверх взбирался, что только скалолазу и сдался бы. Да и механик-водитель БМП был знакомый. Какой ему смысл по мне кататься? Любил, короче говоря, подполковник глупости говорить. А мне было неприятно их слушать и не иметь возможности возразить, поскольку капитану не положено возражать такому количеству старших офицеров, сидящих здесь, в госпитале экспериментальной медицины, за столом, покрытым кроваво-бордовым сукном. Даже одному подполковнику-экспериментатору — и то не положено, несмотря на то что он профессор.

— И что прикажете теперь с вами делать? — недобро усмехаясь, спросил меня майор медицинской службы, обладатель носа спело-сливового цвета. Тоже, наверное, член комиссии.

— Элементарно просто. Подлечить, товарищ майор, — ответил я, почему-то не собираясь старшим офицерам ничего приказывать.

— А потом отправить обратно в часть... — добавил какой-то полковник, читая мои мысли.

Тоже мне, медиум нашелся. О таких вещах нельзя говорить ехидно! Службы, похоже, полковник на своем веку не нюхал и из операционной не высывался. Этого бы полковника вместе с подполковником Солоухиным хотя бы на недельку отправить без звездочек на погонах ко мне в роту. Вот тогда бы они об армии

ОНИ ПРИШЛИ С ВОЙНЫ

с бóльшим уважением говорили, чем о своих операционных. У нас операции посложнее случаются, чем у них...

— Конечно, товарищ полковник, — согласился я. — У меня рота лучшая в бригаде. Меня и солдаты, и офицеры ждут.

— А нога как? — напомнил подполковник Солоухин.

— Я уже каждое утро бегаю вокруг корпуса, — сообщил я новость, от которой все члены комиссии, независимо от армейских званий, одинаково напряглись, а кое-кто даже привстал в удивлении, меня разглядывая. Но глаза ни у кого, к счастью, не лопнули.

— Чего? — не понял подполковник Солоухин. — Бегаете? Кто разрешил?

— А мне никто не запрещал, товарищ подполковник, потому и бегаю. Помню, в детстве у меня дома сосед по этажу был. Я его всегда считал огрызком октябрьской революции, а он, оказывается, был всего восьмидесятипятилетний дед, инвалид. Так вот, он в пять утра ежедневно с палочкой бегал. Я тоже с палочкой начал. Потом и без нее научился обходиться.

Полковники, подполковники и майор дружно переглянулись. Физиономии скривились в недоверии. Только одна медсестра Люся Улыбка, что сидела в торце стола и заполняла какие-то документы, улыбнулась. Она сама видела, что я по утрам бегаю. С утра удивилась, а к обеду и удивляться перестала.

— И давно бегаєте? — спросил Солоухин.

— Давно. Два дня. Сегодня во второй раз бегал. Вчера с реабилитационной палочкой, с тростью то есть, сегодня без нее. Я и сюда, видите же, без трости пришел.

— А зачем вообще тогда у вас костыли в палате стоят? — возмутился Солоухин, словно я бегал с пулеметом вокруг его дома и беспрестанно стрелял во все стороны.

— Не могу знать, товарищ подполковник. Это больничное имущество.

— Вы на костылях еще полгода минимум должны ходить.

— Ходить, может быть... Но с ними, товарищ подполковник, бегать неудобно, — честно признался я. — Под мышками при беге натирают.

— Да... Танк, видимо, был тяжеловат... — заладил свое Солоухин. — Короче говоря, так, Тимофей Сергеевич. Мы вас отправляем на инвалидность по причине тяжелого ранения конечностей, одновременно выдаем вам направление на обследование в институт военной психиатрии. А уж что там они решат, не знаю. Это вопрос не нашей хирургической компетенции. Вы свободны...

— Но я же уже бегаю, товарищ подполковник, — с просьбой во взгляде возразил я. — Через неделю я уже и хромать перестану.

— Даже если вы, товарищ капитан, на моих глазах левой рукой дверь насквозь пробьете,

ОНИ ПРИШЛИ С ВОЙНЫ

это не сделает титановую трубку, которую вам вставили в бедро, полноценной костью. И коленная чашечка на той же ноге у вас как поставлена из легированной нержавеющей стали, так и будет стоять. Новая кость не имеет обыкновения вырастать и приобретать необходимую форму. Это вопрос окончательный и обжалованию не подлежит. Идите, капитан, в палату. Как документы будут готовы, Улыбка вам принесет и объяснит все, что вам нужно будет сделать и оформить.

— Но я же... — Я еще на какое-то чудо наивно надеялся.

— Я же говорю, танк тяжелый был... — Подполковник переглянулся с коллегами и усмехнулся с некоторым, как мне показалось, презрением.

И это меня обозлило. Я круто развернулся, каблуками по-гусарски не щелкнул, поскольку на ногах были не сапоги со шпорами и даже не армейские берцы без шпор, а только больничные тапочки, и строевым шагом двинулся к двери. Но у двери в глазах от злой расстроенности побелело, и я, чтобы сбросить напряжение, под шаг, вложив в удар вес тела, выбросил вперед левую руку. На левой руке у меня кость на титан не меняли, но там был разрыв мышечной ткани в месте соединения бицепса, трицепса и средней доли дельтовидной мышцы — рука, как мне Солоухин по скудоумию пообещал, еще лет пять подниматься не будет. К моему удивле-

нию, кулак высунулся с другой стороны двери, похоже, пробив надпись «ВТЭК».

Хорошо, что там никто к двери не прислонился.

Члены комиссии, кажется, слегка удивились. Я увидел это, обернувшись.

— Извините...

Про танк подполковник Солоухин больше не вспомнил. Трудно, видимо, вспоминать с раскрытым ртом. Даже слова так не выговоришь, и все мысли вылетают.

За дверью стояли два солдата-язвенника и еще один капитан саперной службы, которому кисть руки оторвало, дожидались своей очереди быть комиссованными. Они смотрели с испугом на мой кулак. А я посмотрел на дверь. И удивился, какая она оказалась толстая. Надо же... С трудом пробил...

Даже руку немножко больно...

* * *

В палате я некоторое время ковырялся в своем кулаке, но все же вытащил четыре занозы. Сам кулак от беседы с дверью не пострадал. Ну да, он-то у меня тренированный. На протяжении многих лет я неуклонно выполняю железное правило — бью по стандартному боксерскому мешку по пятьсот раз слева и по пятьсот раз справа. Разные удары — прямые, боковые, кроссы, апперкоты. Число пятьсот относится

ОНИ ПРИШЛИ С ВОЙНЫ

только к акцентированным ударам. Простые легкие удары в счет не идут. Бью, конечно, без перчаток. В спецназе ГРУ не принято на таких занятиях перчатки использовать. В реальном бою противник ждать не будет, пока ты перчатки натянешь. Суставы слегка сплющились, но не болят. А в месте ранения, где осколок от мины через плечо прошел и разорвал мне мышцы, было только ощущение дискомфорта. Рука почти работала, что не могло меня не радовать. Не знаю, как Солоухина.

Правда, в госпитале экспериментальной медицины боксерского мешка для соответствующих экспериментов не нашлось. Все, что здесь имеется, это велотренажер и беговая дорожка в кабинете физиотерапии. Это меня не устраивает категорически. Но боевую форму я вернуть себе всегда сумею. Даже на дверях тренируюсь. Хотя лучше было бы выбирать более тонкие двери.

Через четыре часа в офицерскую палату, привычно улыбаясь, зашла медсестра Люся Улыбка. Раньше, услышав случайно, я думал, что Улыбка — это что-то вроде позывного или клички, потом только узнал, что у нее фамилия соответствует выражению лица. В гармонии, значит, человек живет. Вот у меня так при всем желании получиться не может. Фамилия моя — Страхов. Страх я, конечно, бывает, испытываю, как и всякий нормальный человек, но обучен на службе силой воли побеждать его. И иногда в

зеркало заглядываю, но себя не пугаюсь. Вполне нормальное у меня лицо. Что еще раз говорит о том, что наш профессор излишне языком болтает, и никакой танк по моей голове не катался. Совсем я не страшный. Никого не боюсь сам и никого при этом не пугаю. Какая уж тут гармония...

Улыбка положила на тумбочку картонную папку с документами.

— Как себя чувствуете, Тим Сергеевич?

— Относительно скверно, — сердито ответил я. — Какое может быть самочувствие у человека, которого на инвалидность отправляют. Я военный по образованию, по крови и воспитанию. Я просто не умею быть гражданским человеком. Жить гражданским не умею.

— Я вас понимаю... — Она перестала улыбаться лицом, а глаза по-прежнему улыбались. — Но новая кость у вас все равно не вырастет. А с титановым протезом-заменителем еще могут быть проблемы. Металл в организме не всегда приживается. Да и коленная чашечка тоже... Это значит, что об армии вам придется забыть.

Люся вытащила из папки документы:

— Везде, где я галочки поставила, вам расписаться нужно.

Я стал расписываться не читая. Хотя, вообще-то, такой привычки не имел. Всегда предпочитал знать, где я свой автограф оставляю. Но настроение было настолько скверное, что стало

ОНИ ПРИШЛИ С ВОЙНЫ

абсолютно все равно, где расписываться, и вообще, что со мной в дальнейшем будет. Инвалид в тридцать лет...

Последний листок Люся держала в руках.

— Здесь расписываться не нужно. Это вам направление в институт военной психиатрии.

— А зачем это? Что, снова положат? И опять на несколько месяцев?

— Я не могу знать, на какой срок вас положат. Проведут обследование. Потом, может быть, лечение понадобится. У вас же была контузия сильнейшая. Причем третья по счету. Это может сказаться на... На поведении. Двери начнете ломать...

— А если я это направление просто выброшу? — поинтересовался я. — Что будет? Наденут на меня смирительную рубашку и отвезут туда насильно?

Она плечами передернула.

— Не знаю. Ничего, наверное, не будет. Будете пенсию получать только по нашему профилю. «Ранение конечностей»... Мы же только за хирургию можем отвечать...

— А что, после этого самого института могут и вторую пенсию дать?

Меркантильные дела меня волновали всегда достаточно мало. Но жизнь такая сейчас, что пенсии, я слышал, будет не хватать на многие мелочи, к которым я давно уже привык.

— Нет. — Она опять улыбнулась. — Вторую не дадут. Какую-то одну. По нашей ли-